

Е.В. Мирошкин*

ИНОСТРАННЫЕ ОФИЦЕРЫ РЕГУЛЯРНЫХ ПОЛКОВ
СИБИРСКОЙ ИНСПЕКЦИИ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА**doi:10.31518/2618-9100-2025-5-2
УДК 94(571).04:929

Выходные данные для цитирования:
Мирошкин Е.В. Иностранные офицеры регулярных полков Сибирской инспекции в конце XVIII века // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 18–28.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-02.pdf>

E.V. Miroshkin*

FOREIGN OFFICERS OF REGULAR REGIMENTS
OF THE SIBERIAN INSPECTORATE
AT THE END OF THE 18TH CENTURY**

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-2

How to cite:
Miroshkin E.V. Foreign Officers of Regular Regiments of the Siberian Inspectorate at the end of the 18th Century // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 18–28
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-02.pdf>]

Abstract. The administration of the Russian Empire, a multiethnic state, pursued a multi-vector policy toward foreign peoples, combining Russification and assimilation with the establishment of differences. Based on pragmatic and integrationist considerations, the authorities of the Russian Empire recruited representatives of foreign elites into administrative and military service. The study is based on an analysis of periodic reports on the personnel composition of units, service records, and officers of regular regiments of the Siberian Inspectorate for 1796–1801. Of the 578 officers of Siberian regiments whose service records are collected in the Russian State Military Historical Archive (RSMA), 78 (approximately 13 %) were of foreign origin. The social composition of the foreign officers was quite diverse. Fifty-three officers belonged to the nobility, and most of them did not own serfs, which was explained by the absence of serfdom in most European countries. Twenty-five officers represented underprivileged social classes, including the children of doctors, clergy, and volunteers. The ethnic composition of the foreign officers included representatives of virtually all European nations. Germans (23 Baltic Germans and 17 people of German descent) served in Siberia, as did Poles (13), French (8), Greeks, Hungarians, English, Italians, and others. The circumstances of their entry into service varied: some foreigners acquired only temporary citizenship, while others acquired permanent citizenship. Many foreign officers entered Russian service during international conflicts involving the Russian Empire or as a result of political emigration. Many foreign officers came from military dynasties for whom service in Siberia had become a family affair. Such dynasties included, for example, the Skalon, Winkler, Treiblut, and Degarrighi officer families. The educational level of foreign officers significantly exceeded that of Russian officers. Of the 78 foreigners, 20 (26 %) had more than a basic education, including knowledge of fortification, geometry, drawing, foreign languages, and so on. The study shows that military service was part of the migration process, during which foreigners could both maintain their identity and fully assimilate, adopting the norms and values of Russian society. Their service contributed to the integration of various ethnic groups into the imperial space.

Keywords: Officer corps, foreigners, late 18th century, Siberian Corps, army.

* **Егор Вячеславович Мирошкин**, лаборант-исследователь, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия; магистрант, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: miroshkin.egor02@gmail.com

Egor Vyacheslavovich Miroshkin, Laboratory Research Assistant, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia; Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: miroshkin.egor02@gmail.com

** Статья выполнена в рамках госзадания «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI – начало XX в.)» (FWZM-2024-0007).

The article was carried out within the framework of the state assignment “Siberian Society as a Factor of Territorial Growth and Unity of Russia (Late 16th – Early 20th Centuries)” (FWZM-2024-0007).

The article has been received by the editor on 03.10.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Администрация Российской империи, полиэтнического государства, проводила многовекторную политику в отношении иноземных народов, сочетая русификацию и ассимиляцию с установлением различий. Исходя из прагматических и интеграционных соображений, власти Российской империи привлекали представителей иноземных элит на административную и военную службу. Исследование основано на анализе документов периодической отчетности о кадровом составе частей, послужных списках офицеров регулярных полков Сибирской инспекции за 1796–1801 гг. Из 578 офицеров сибирских полков, чьи послужные списки сосредоточены в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), 78 человек (около 13 %) имели иностранное происхождение. Социальный состав иностранных офицеров был весьма разнообразным: 53 офицера принадлежали к дворянскому сословию, причем большинство из них не имели крепостных крестьян; 25 человек представляли непривилегированные слои населения, среди которых были дети врачей, священнослужителей и вольноопределяющихся. Этнический состав офицеров-иностранцев включал представителей практически всех европейских народов. В Сибири служили немцы (23 прибалтийских немца и 17 выходцев из Германии), а также поляки (13 чел.), французы (8 чел.), греки, венгры, англичане, итальянцы и др. Различались обстоятельства поступления на службу: некоторые иностранцы вступали только во временное подданство, другие – в вечное. Иностранные офицеры поступали на российскую службу в ходе международных конфликтов с участием Российской империи или вследствие эмиграции по политическим причинам. Многие происходили из военных династий, для которых служба в Сибири стала семейным делом. Таковы, например, офицерские династии Скалонов, Винклер, Трейблутов и Дегарриги. Образовательный уровень иностранных офицеров значительно превышал аналогичный показатель у русских офицеров. Из 78 иностранцев 20 человек (26 %) имели образование выше базового, включавшее знание фортификации, геометрии, рисования, иностранных языков и т.д. Исследование показывает, что военная служба являлась частью переселенческого процесса, в ходе которого иностранцы могли как сохранять свою идентичность, так и полностью ассимилироваться, принимая нормы и ценности российского общества, а их служба способствовала интеграции различных этнических групп в имперское пространство.

Ключевые слова: офицерский корпус, иностранцы, конец XVIII века, Сибирский корпус, армия.

Статья поступила в редакцию 03.10.2025 г.

Российская империя складывалась и развивалась как гетерогенное полиэтническое государство. Историк Андреас Каппелер отмечал, что к российскому опыту государственного строительства, по крайней мере дореформенного периода, едва ли применимы ярлыки «русское унитарное государство» и «колониальная держава»¹. Известно, что взаимодействие российского имперского правительства с «чужими» народами носило многовекторный характер, строящийся во многом на прагматичных основаниях. Имперская администрация, с одной стороны, стремилась к унификации и русификациям², с другой – активно старалась конструировать различия и сдерживать интеграционные процессы.

Примером интеграционной политики является включение элит нерусского происхождения в социальную структуру империи и привлечение к административной и военной

¹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. С. 119.

² Алексей Миллер подчеркивает, что термин «русификация» следует использовать во множественном числе, так как под ним может пониматься целый спектр ассимиляционных мер различного характера. См.: Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 54–77.

службе³. Вместе с тем, исходя из прагматических соображений, государство охотно принимало на службу жителей иностранных государств. Одни из них поступали на службу временно, являясь фактически наемниками, другие вступали в вечное подданство и навсегда связывали свою судьбу и судьбу потомков с Россией. Так или иначе, иноземцы, поступившие на службу, как правило, временно меняли место жительства или навсегда оседали на новом месте, воспринимали новую идентичность и усваивали корпоративные нормы. Все это позволяет нам рассматривать военную службу как часть переселенческого процесса, в ходе которого, как известно, мигрант может как изолироваться в мигрантском сообществе, так и ассимилироваться, перенять нормы и идентичности новой «родины».

Цель настоящего исследования – выявление количественных и качественных характеристик иностранных офицеров, несших службу по обеспечению внутренней и пограничной безопасности в Сибири, отдаленном от центра и слабо освоенном регионе, в конце XVIII в. Для достижения поставленной цели необходимо выявить долю офицеров иностранного происхождения в общей массе офицерского корпуса сибирских полевых и гарнизонных полков, охарактеризовать траектории поступления иностранцев на российскую службу и дать оценку их карьере, описать уровень их образования.

Служба иностранных офицеров в российской армии не раз становилась объектом изучения историков. Специалист по истории государственной службы и офицерского корпуса России С.В. Волков отмечал, что в конце XVIII в. наблюдается увеличение числа иностранцев на русской службе, связанное в основном с притоком французских эмигрантов-роялистов. Вместе с тем значительную долю офицеров немецкого происхождения составляли теперь не временно нанятые офицеры, а вступившие в вечное подданство иммигранты из германских государств и представители лифляндского (остзейского) дворянства⁴. В дальнейшем мы увидим, что выводы, сделанные С.В. Волковым на общероссийских источниках, подтверждаются и на сибирских материалах.

Работа В.М. Безотосного, посвященная российскому генералитету эпохи 1812 г., являет собой блестящий пример статистической обработки сведений о 531 генерале времен наполеоновских войн. Помимо социальных, образовательных и служебных характеристик, автор большое внимание уделяет вопросу национального состава командных кадров⁵. В.М. Безотосный подчеркивает, что «национальная идентичность во времена Александра I не имела того значения, которое она приобрела со второй половины XIX столетия»⁶. Замечание это справедливо и для конца XVIII в. Специфика делопроизводства обеих эпох не предполагала уделения особого внимания этническому происхождению, поэтому записи о нем зачастую соединялись со сведениями о социальном статусе – например, «из лифляндских дворян».

Применительно к Сибири вопрос об этническом происхождении офицеров регулярной армии рассматривался в работах А.В. Дмитриева. В своей монографии автор отмечает, что на протяжении 1725–1796 гг. доля иностранцев в составе полков Сибирского корпуса достигала трети, а «среди полковых командиров они вообще составили подавляющее большинство – восемь из 10 чел.»⁷. В вышедших недавно статьях того же автора об офицерах полевых и гарнизонных полков Сибирской инспекции уделяется внимание и офицерам иностранного происхождения⁸. В.Д. Пузанов одну из своих статей посвятил биографии

³ Каменский А.Б. Элиты Российской империи и механизмы административного управления // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст. М., 2004. С. 121–123.

⁴ Волков С.В. Элитные и социальные группы и государственная служба в России. М., 2021. С. 149.

⁵ Безотосный В.М. Российский генералитет эпохи 1812 года. Опыт изучения коллективной биографии. М., 2018. С. 265–294.

⁶ Там же. С. 269.

⁷ Дмитриев А.В. Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796): особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии. М.; СПб., 2018. С. 250.

⁸ Дмитриев А.В. Кадровый состав офицерского корпуса полевых полков Сибирской дивизии в конце XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2023. № 1 (78). С. 162–163; Дмитриев А.В. Гарнизонные полки Сибирской дивизии на рубеже XVIII–XIX в. // Уральский исторический вестник. 2024. № 3 (84). С. 178.

генерал-майора Г.Г. Штрэндмана, прибалтийского немца по происхождению⁹, а в работе И.П. Каменецкого прослежена история династии Скалонов – военных французского происхождения¹⁰.

Несмотря на очевидный исследовательский интерес к истории нахождения иностранных офицеров в далекой Сибири, нужно отметить, что данная тематика еще не получила самостоятельного исследования, раскрывающего различные аспекты службы данной категории офицерства. Недостаточно освещались такие стороны офицерских биографий, как обстоятельства поступления на службу, образовательный уровень, семейное положение, срок службы и чинопроизводства, уровень дисциплины и др.

Пролить свет на все вышеперечисленные аспекты позволяют послужные (смотровые) списки – «отчетный документ со сведениями о прохождении службы всего личного состава войсковой части», подававшийся в Военную коллегию по третям (треть – отчетный период, равный четырем месяцам)¹¹. Послужной список представляет собой таблицу, в которую вносились следующие сведения: фамилия, имя, отчество, возраст, происхождение, история получения чинов, боевой опыт, семейное положение, наличие штрафов и судимостей, текущее местоположение. Послужные списки сосредоточены в фонде № 489 «Формулярные списки и другие документы о службе личного состава русской армии» Российского государственного военно-исторического архива (Москва). Нами была отобрана отчетная документация, охватывающая практически все регулярные полки Сибирской инспекции за 1796–1801 гг., т.е. за период правления императора Павла I. К этим полкам относятся Селенгинский, Томский, Ширванский мушкетерские полки, 19-й и 20-й егерские полки, Иркутский и Сибирский драгунские полки, Тобольский, Селенгинский, Томский гарнизонные полки¹². Означенная выборка позволяет достаточно обоснованно судить о коллективном портрете офицеров-иностранцев в Сибири. Изучение офицерского корпуса как составной части армейской организации неразрывно связано с просопографией – специальной исторической дисциплиной, изучающей коллективные, но индивидуализированные биографии членов конкретных социальных групп и коллективов. Поэтому в работе применялся просопографический метод – «выявление определенного круга лиц, постановка ряда однотипных вопросов (например, о датах рождения и смерти, о браке и семье, социальном происхождении, месте жительства, образовании, роде деятельности, религии и т.д.)»¹³.

Прежде чем приступить непосредственно к описанию иностранных офицеров, необходимо пояснить, что понимается под термин «иностранец». К иностранцам мы, следуя за источником, относим как непосредственно выходцев из зарубежных стран, например французов, испанцев, итальянцев, так и представителей присоединенных к Российской империи территорий. Несмотря на пребывание в одной стране, формуляр послужных списков достаточно четко проводил разграничения между представителями различных этносов. Например, представители немецкого дворянства прибалтийских губерний всегда определялись как «лифляндские» или «остзейские» дворяне. Точно так же выделялись и представители польской шляхты, совсем недавно инкорпорированной в состав российской сословной структуры. Отметим также, что в послужных списках все иностранные имена претерпевали «русификацию» независимо от того, принимал иностранный офицер православие или оставался в своем изначальном вероисповедании. Например, итальянский

⁹ Пузанов В.Д. Генерал Г.Э. Штрэндман – остзеец на службе Российской империи // Вопросы истории. 2023. № 1–2. С. 4–27.

¹⁰ Каменецкий И.П. Генералы Скалоны в России (1735–1912) // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 4. С. 41–45.

¹¹ Татарников К.В. Предисловие // Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА. Межфондовый указатель: в 3 т. М., 2013. Т. 1. С. 4.

¹² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 489 (Формулярные списки и другие документы о службе личного состава русской армии). Оп. 1. Д. 1575, 1603, 1619, 1621, 1751, 1752, 2046, 2375, 2376, 2573, 2574, 5892, 5895, 6034, 6037, 6048, 6049.

¹³ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М., 2014. С. 419.

дворянин из Пизы Делианкурт в послужных списках именуется как Иосиф Карлович¹⁴, хотя очевидно, что на своей родине он носил имя Джузеппе (итальянский вариант имени Иосиф).

Из 578 офицеров, чьи данные были внесены в послужные списки, иностранным происхождением обладали 78 человек, или около 13 %. Этнический состав офицеров-иностранцев удобно представить в виде диаграммы (рис. 1).

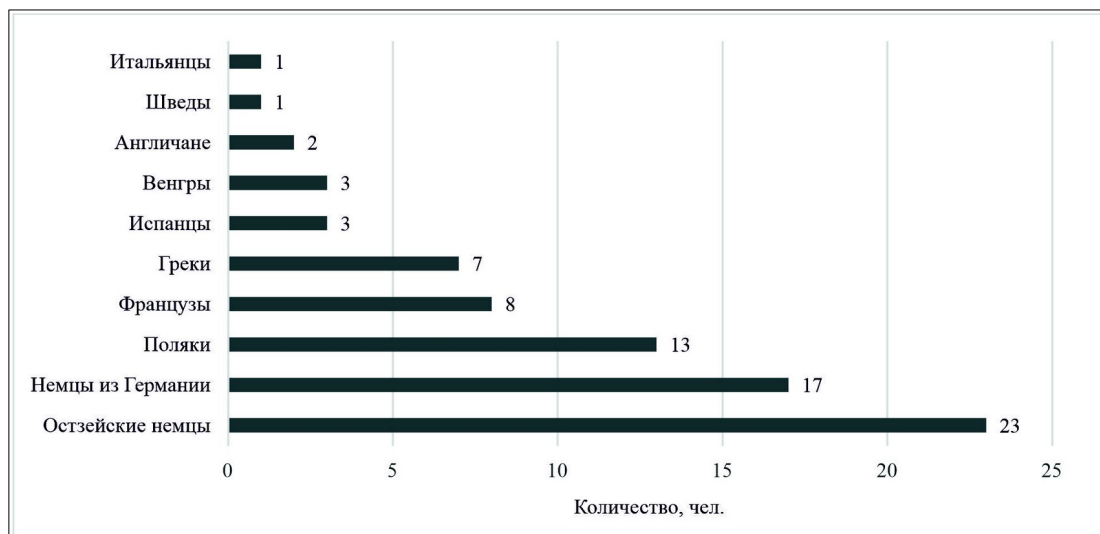

Рис. 1. Этнический состав офицеров-иностранцев.
Составлено по: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1575, 1603, 1619, 1621, 1751, 1752, 2046, 2375, 2376, 2573, 2574, 5892, 5895, 6034, 6037, 6048, 6049

Данный рисунок показывает, что даже в полках, расположенных в далекой Сибири, служили представители практически всех европейских народов. Социальный статус офицеров-иностранцев также был достаточно разнообразным. Из 78 человек 53 офицера показали себя дворянами, 25 – представителями непривилегированных слоев населения. Среди дворян абсолютное большинство составляли те офицеры, которые не имели во владении крепостных, что объясняется тем фактом, что в конце XVIII в. большинство стран Европы отказались от крепостного душевладения. Крепостничество сохранялось в отдельных областях Германии, Венгрии, землях бывшей Речи Посполитой. Только единицы офицеров-иностранцев распоряжались на своей родине зависимыми крестьянами. Например, за отцом прапорщика венгерского происхождения Карло Осиповича Коша на родине числилось 500 душ крепостных зависимых¹⁵. Впрочем, такое большое крепостное хозяйство было исключением. Обычно офицеры иностранного происхождения распоряжались меньшим числом крестьян, не превышающим 100 душ. Так, отец 25-летнего прапорщика Тобольского гарнизонного полка Федора Леонтьевича Круза владел в прибалтийских губерниях 52 крепостными¹⁶, а отец поручика того же полка, польского дворянина Людвиг Козьмича Вроблевского, распоряжался 85 крепостными¹⁷. Польский дворянин греческого вероисповедания 48-летний подполковник Тобольского гарнизонного полка Иван Орестович Гебоуэр имел такую запись о душевладении: «в Польше за дедом ево в Вилневском повеце в деревне Зецине 22 души»¹⁸.

Как мы уже отмечали, офицерами в сибирских полках служили 25 иностранцев из непривилегированных групп населения. Их происхождение было чрезвычайно разнообразным. Здесь встречались и дети врачей, как, например, подпоручик Сибирского драгунского полка Василий Пабст¹⁹ и поручик Селенгинского гарнизонного полка Василий

¹⁴ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1619. Л. 92 об.–93.

¹⁵ Там же. Д. 2376. Л. 28 об.–29.

¹⁶ Там же. Д. 6037. Л. 32 об.–33.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 24 об.–25.

¹⁹ РГВИА. Д. 2574. Л. 71 об.–72.

Шиленг²⁰. К выходцам из непривилегированных групп населения можно отнести и детей церковнослужителей. Как и дети православных священников, которые несли службу без каких-либо статусных преференций, в рядах армии в Сибири служили и дети священнослужителей других конфессий. Например, штабс-капитан 19-го егерского полка Данила Иванович Битнер был сыном пастора «лютеранского закона»²¹.

Мы не можем с точностью определить социальное происхождение некоторых выходцев из непривилегированных групп населения, так как они вступали в армию в качестве вольноопределяющихся. К категории вольноопределяющихся относились выходцы из податных сословий Российской империи, не подлежащих рекрутскому набору: купцы, мещане и др., или представители неблагородных слоев населения зарубежных государств, добровольно поступившие на русскую службу. Если срок службы рядового, рекрутированного из «просто-народья», составлял 25 лет, то вольноопределяющиеся обязаны были прослужить только 15 лет²². Так, в качестве вольноопределяющихся служили адъютант Тобольского гарнизонного полка поляк Иван Казимеров²³, штабс-капитан Иркутского драгунского полка Федор Иванович Габриель²⁴, а поручик Селенгинского мушкетерского полка Иоганн Федорович Фирштман в послужных списках значился как «из вольноопределяющихся прусской нации люторскаго закона»²⁵.

Из 25 человек неблагородного происхождения 15 относились к категории так называемых штаб- и обер-офицерских детей – достаточно заметной в армии прослойки лично свободных подданных²⁶. Историк офицерства С.В. Волков дает следующее определение этой группе военнослужащих: «сословие обер-офицерских детей состояло из детей гражданских чиновников недворянского происхождения, имевших чины “обер-офицерских” классов – от XIV до IX, дававших не потомственное, а только личное дворянство, и детей офицеров недворянского происхождения, которые родились до получения их отцами первого офицерского чина, приносившего, как уже указывалось, потомственное дворянство»²⁷. Следуя такой логике, остается невыясненным вопрос о статусе штаб-офицерских детей, ведь, как известно, первый штаб-офицерский чин (VIII, соответствующий майору в пехоте и кавалерии или коллежскому асессору в статской службе) уже приносил потомственное дворянство, которое распространялось и на детей. Возможно, что к этой категории относились дети, родившиеся до получения их отцом первого штаб-офицерского чина.

Обер-офицерские дети из числа офицеров-иностранцев происходили исключительно из среды лифляндских военнослужащих. Таковыми были, например, штабс-капитан Селенгинского мушкетерского полка Александр Иванович Гренинг²⁸, поручик Сибирского драгунского полка Иван Михайлович Фишер²⁹, штабс-капитан 19-го егерского полка Петр Семенович Рыхтер (Рихтер)³⁰. Среди штаб-офицерских детей также преобладали прибалтийские немцы, однако встречались и потомки немцев, приехавших в Россию из Германии. Таким был Петр Федорович Винклер, представитель династии офицеров из Саксонии, вступивших в вечное подданство и на протяжении нескольких десятков лет служивших в регулярных частях в Сибири³¹. К штаб-офицерским детям относился и француз Федор Барбот-Демарни,

²⁰ Там же. Д. 5895. Л. 56 об.–57.

²¹ Там же. Д. 2046. 27 об.–28.

²² Волков. С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 67.

²³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 6034. Л. 11 об.–12.

²⁴ Там же. Д. 2376. Л. 8 об.–9.

²⁵ Там же. Д. 1575. Л. 18 об.–19.

²⁶ По нашим подсчетам, в общей массе сибирского офицерского корпуса штаб- и обер-офицерские дети составляли порядка 23 %.

²⁷ Волков С.В. Русский офицерский корпус... С. 66.

²⁸ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1575. Л. 15 об.–16.

²⁹ Там же. Д. 2574. Л. 66 об.–67.

³⁰ Там же. Д. 2046. Л. 48 об.–49.

³¹ Там же. Д. 2573. Л. 59 об.–60.

капитан 20-го егерского полка, который начал свою службу в Артиллерийском шляхетском кадетском корпусе в 1785 г. и чьи предки, вероятно, давно осели в России³².

Различались и обстоятельства поступления на службу. Как уже отмечалось выше, часть офицеров не переходила в вечное подданство, а только временно определялась на российскую службу, являясь фактически наемниками. Капитан Томского мушкетерского полка Крестьян Касперович Вильденгейм имел такую запись в послужном списке: «прусской нации из шляхетства люторского закона, а ис каторого города или местечка отец ево был урожденец не припомнит, ибо он остался после смерти ево малолетен, о бытии в вечном российском подданстве присягою обязан не был кроме вступления в службу»³³. Уже упоминавшийся поручик Селенгинского мушкетерского полка Фирштман тоже вступил во временное подданство, однако еще не определился со своими планами: в его послужном списке указывается, что «по отставке своей в отечество отъехать или в России остаться пожелает, тогда в прошении изъяснится»³⁴. Временно на службу Российской империи вступили 17-летний прапорщик Сибирского драгунского полка барон Мориц Осипович Беервиц, сын генерал-лейтенанта Осипа Федоровича Беервица³⁵, и «ирлянской нации из английских дворян» штабс-капитан Ширванского мушкетерского полка Антон Петрович Делассий (Ласси)³⁶, бывший, по всей видимости, братом героя штурма Измаила и Казанского военного губернатора Бориса Петровича Ласси³⁷.

Определенное число иностранцев вступало во временное подданство в ходе международных конфликтов с участием Российской империи. Ярким примером построения карьеры в России является биография Петра Ивановича Ивелича. Граф из древнего черногорского рода, капитан венецианской армии, он в 1788 г. поступил на российскую службу в чине поручика³⁸ и был определен в Нашебургский пехотный полк, в составе которого участвовал в событиях Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и отличился в сражениях с неприятелем: «на границе черногорской против воюющего паши skutарского имел неоднократно с турками сражение, и при всяком случае как храброй и разсторопной офицер, исполняя с усердием долг свой, подчиненным своим пример давал»³⁹. В Сибири Петр Иванович служил с 1793 г. в Ширванском мушкетерском полку, где в 1800 г. получил чин полковника⁴⁰. На момент подачи послужных списков этого полка в Военную коллегию (вторая половина 1800 г.) Ивелич еще «нигде в вечном российском подданстве быть не обязывался, а служит так как верноподданный его императорского величества и за собою в Российской империи недвижимого имения не имеет»⁴¹. Позднее он участвовал в наполеоновских войнах, за отличие в которых его портрет работы Джорджа Доу был помещен в Военную галерею Зимнего дворца⁴². Под командой Ивелича в ходе Русско-турецкой войны начинали свою службу вступивший в вечное подданство капитан Ширванского мушкетерского полка «славянской нации» Николай Трифионович Шпарович и польский шляхтич поручик Александр Иванович Брызгалов⁴³. В ходе той же Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. на службу поступил итальянский дворянин из Пизы Иосиф Карлович Делианкурт, принятый в армию в чине поручика контр-адмиралом Гиббсом и воевавший в районе Греческого архипелага⁴⁴.

³² РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1751. Л. 43 об.–44.

³³ Там же. Д. 1603. Л. 14 об.–15.

³⁴ Там же. Д. 1575. Л. 18 об.–19.

³⁵ Там же. Д. 2573. Л. 70 об.–71.

³⁶ Там же. Д. 1621. Л. 71 об.–72.

³⁷ Ласси // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1896. Т. 17. С. 367.

³⁸ Существовало правило, согласно которому иностранные офицеры принимались на службу в Россию с понижением в чине. См.: Волков С.В. Русский офицерский корпус... С. 87.

³⁹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1621. Л. 60 об.–61.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1996. Т. VII. С. 404.

⁴³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1621. Л. 68 об.–69, 75 об.–76.

⁴⁴ Там же. Л. 63 об.–64.

Революционные события во Франции привели к притоку не принявших революцию офицеров-французов в ряды русской армии. Известно, что в годы правления Павла I корпус роялистов-эмигрантов под руководством принца Конде перешел на русскую службу⁴⁵. Однако французы служили не только в обособленно существовавших частях принца Конде, но и непосредственно в рядах русской армии, в том числе и в далекой Сибири. В Сибирском драгунском полку в конце XVIII в. служили четверо таких роялистских эмигрантов. Самый старший из них, 64-летний маркиз и генерал-майор Шарль-Жозеф де Виомениль, вступил во временное российское подданство еще при Екатерине II, в 1792 г., вместе с рядом других генералов французской армии⁴⁶. В Сибирском драгунском полку он в 1798–1799 гг. занимал должность полкового шефа⁴⁷. Под его началом в полку служили майоры граф Осиф Францович Долон, маркиз Виктор Александрович Детустен, подпоручик Франц Иванович Тиран⁴⁸.

Впрочем, число офицеров, принявших подданство лишь временно, было невелико (15 человек из 78), биография большинства остальных офицеров нерусского происхождения не столь экзотична. Из приведенной выше диаграммы с распределением этнического состава офицеров-иностранцев (см. рис. 1) видно, что в большинстве преобладали немцы, как происходящие из прибалтийских губерний Российской империи, так и попавшие в Россию непосредственно из германских государств. Историк остзейских (прибалтийских) немцев Н.С. Андреева отмечает, что начиная со второй половины XVIII в. в армии возрастает доля офицеров остзейского происхождения, для которых служба становится «своего рода семейной традицией»⁴⁹. Типичной является биография командующего Сибирским корпусом в конце XVIII в. Густава Эрнста (в русских документах – Густава Густавовича) Штрэндмана. Он родился в 1742 г. в Лифляндии в семье потомственных военных, на службу поступил в 1757 г., участвовал в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг., где отличился и построил блестящую карьеру, возглавляя в 1789–1798 гг. войска, дислоцированные в Сибири⁵⁰. Карьерного успеха достиг и шеф Иркутского драгунского полка генерал-майор Христофор Христофорович Сакен, представитель «лифляндского шляхетства», участник взятия Хотина и штурма Туртукая⁵¹. Среди офицеров-остзейцев встречались как те, для кого служба в Сибири была только началом карьеры, как, например, 25-летний прапорщик Тобольского гарнизонного полка Федор Леонтьевич Круз, переведенный из гвардии в 1797 г.⁵², так и давно осевшие в Сибири офицеры, как, например, 53-летний подпоручик Иван Федорович Вейберх, служивший в Селенгинском гарнизонном полку с 1764 г.⁵³

Среди иностранцев также было много офицеров, чьи предки уже несколько поколений состояли в вечном подданстве и навсегда связали свою жизнь с новообретенной родиной. В конце XVIII в. в Сибири служили представители сразу нескольких офицерских династий. Назначенный 15 октября 1800 г. шефом Иркутского драгунского полка генерал-майор Антон Антонович Скалон происходил из принявших российское подданство французских гугенотов⁵⁴. Его отец Антон Данилович Скалон также служил в Сибири в эпоху Екатерины II, командовал борьбой с отрядами пугачевцев на Урале, за что был назначен командующим

⁴⁵ Подробнее см.: Бовыкин Д.Ю. Эмигрантский корпус Конде на русской службе // Россия и Франция XVIII – XX века. М., 2006. Вып. 7. С. 77–86.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 16 (Иностранная экспедиция Канцелярии Военной коллегии). Оп. 1. Д. 610. Л. 8.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2573. Л. 47 об.–48.

⁴⁸ Там же. Д. 2574. Л. 56 об.–57, 72 об.–73.

⁴⁹ Андреева Н.С. Прибалтийские немцы в составе Российской империи: ключевые моменты социальной и политической истории (XVIII – начало XX вв.) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2023. № 1 (32). С. 16.

⁵⁰ Пузанов В.Д. Генерал Г.Э. Штрэндман – остзеец на службе Российской империи // Вопросы истории. 2023. № 1–2. С. 4–27.

⁵¹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2375. Л. 47 об.–48.

⁵² Там же. Д. 6037. Л. 32 об.–33.

⁵³ Там же. Д. 5892. Л. 13 об.–14.

⁵⁴ Там же. Д. 2376. Л. 1 об.–2.

Сибирским корпусом⁵⁵. К выходцам из офицерских династий относятся саксонские дворяне Петр Федорович, поручик Сибирского драгунского полка⁵⁶, Егор Федорович и Карл Федорович Винклеры, поручики Селенгинского мушкетерского полка⁵⁷, чей отец Теодор (Федор) фон Винклер командовал в 1770–1780-х гг. Колывано-Воскресенским полевым батальоном⁵⁸. Отец подполковника Селенгинского мушкетерского полка Иосифа Францевича де Гарриги (Дегарриги), дворянина «гишпанской нации греческого вероисповедания»⁵⁹, Франсиско (Франц) де Гаррига был полковником Колыванского драгунского полка⁶⁰. Поручик Иркутского драгунского полка Александр Александрович Трейблут⁶¹, капитан Иван Христофорович Трейблут и поручик 19-го егерского полка Каспар Христофорович Трейблут⁶² были потомками осевших в Лифляндии дворян из прусской Померании Александра и Каспара Готфрида фон Трейблотов, служивших в регулярных полках в Сибири в середине – второй половине XVIII в.⁶³

Наконец, образовательный уровень офицеров иностранного происхождения был заметно выше, чем у офицеров русского происхождения. По нашим подсчетам, из 578 офицеров, служивших в Сибири, только 81 человек (около 14 %), помимо знания русской грамоты, владел еще и основами арифметики. Если иностранными языками владели только считанные единицы офицеров русского происхождения, то иностранные выходцы, очевидно, знали и русский, и родной язык. Например, остзейские немцы владели и русским, и немецким языками, равно как выходцы из Франции знали французский. Однако даже среди офицеров-иностранцев похвастать серьезным образованием могли единицы – очевидно, что образование, превышающее базовую грамотность, было доступно далеко не всем. Из 78 офицеров-иностранцев только 20 (26 %) обладали образованием, выходящим за пределы знания языков и арифметики. Обычно оно состояло из знания основ фортификации, рисования, геометрии и истории – словом, тех дисциплин, которые в то время считались необходимыми для профессионального военного. Хорошее образование давала учеба в кадетских училищах. Так, упоминавшийся выше выпускник Артиллерийского шляхетского кадетского корпуса капитан Барбот-Демарни обладал действительно богатым арсеналом знаний: в послужном списке указано, что он «знает арифметики, геометрии, фортификации, артиллерии элементы, физике, алгебре и механике учился, и истории, географии, говорит на трех языках, рисовать, тонцовать, фиктовать, верховой езде, пушечной из артиллерийских орудий настоящей палбе»⁶⁴.

Таким образом, офицеры-иностранцы, несшие службу в Сибири в конце XVIII в., представляли собой чрезвычайно разнообразную социальную группу. Несмотря на то, что большинство иностранцев были дворянами, встречались и представители различных непривилегированных групп населения. Различались обстоятельства поступления на службу: некоторые офицеры поступали в российскую армию в ходе войн, как, например, греки и итальянцы в ходе русско-турецких войн, или вследствие политических катаклизмов на своей родине, как это делали французские роялисты-эмигранты. Такие офицеры, как правило, шли в услужение к российским императорам лишь временно, не обязываясь оставаться в России навсегда или принимать православие. Для многих офицеров-иностранцев, как, например, для поляков и остзейских немцев, служба в российской армии была данностью по причине вхождения их родины в состав Российской империи. В конце XVIII в. в Сибири продолжали служить представители офицерских династий иностранного происхождения,

⁵⁵ Каменецкий И.П. Генералы Скалоны в России... С. 41–45.

⁵⁶ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2573. Л. 59 об.–60.

⁵⁷ Там же. Д. 1575. Л. 19 об.–21.

⁵⁸ Дмитриев А.В. Русская регулярная армия в Сибири... С. 465.

⁵⁹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1575. Л. 3 об.–4.

⁶⁰ Дмитриев А.В. Русская регулярная армия в Сибири... С. 467.

⁶¹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2376. Л. 11 об.–12.

⁶² Там же. Д. 2046. Л. 29 об.–30, 46 об.–47.

⁶³ Дмитриев А.В. Русская регулярная армия в Сибири... С. 494.

⁶⁴ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1752. Л. 38 об.–39.

для которых служба в отдаленном и суровом регионе стала уже семейным делом. Так или иначе, судьбы всех этих военнослужащих оказались связаны с Россией, для многих из них она стала новой родиной. Данный сюжет – история иностранцев на российской службе – позволяет задуматься о том, как империя для обеспечения своего существования вовлекала в свою орбиту представителей различных социальных и этнических групп.

Литература

Андреева Н.С. Прибалтийские немцы в составе Российской империи: ключевые моменты социальной и политической истории (XVIII – начало XX вв.) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2023. № 1 (32). С. 6–42.

Безотосный В.М. Российский генералитет эпохи 1812 года. Опыт изучения коллективной биографии. М.: РОССПЭН, 2018. 671 с.

Бовыкин Д.Ю. Эмигрантский корпус Конде на русской службе // Россия и Франция XVIII–XX века. М., 2006. Вып. 7. С. 77–86.

Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 414 с.

Волков С.В. Элитные и социальные группы и государственная служба в России. М.: Изд-во Университета Дмитрия Пожарского, 2021. 408 с.

Дмитриев А.В. Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796): особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 528 с.

Дмитриев А.В. Кадровый состав офицерского корпуса полевых полков Сибирской дивизии в конце XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2023. № 1 (78). С. 158–166.

Дмитриев А.В. Гарнизонные полки Сибирской дивизии на рубеже XVIII–XIX в. // Уральский исторический вестник. 2024. № 3 (84). С. 171–179.

Каменецкий И.П. Генералы Скалоны в России (1735–1912) // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 4. С. 41–45.

Каменский А.Б. Элиты Российской империи и механизмы административного управления // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст. М., 2004. С. 115–139.

Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М.: Прогресс–Традиция, 2000. 344 с.

Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.

Пузанов В.Д. Генерал Г.Э. Штрэндман – остзеец на службе Российской империи // Вопросы истории. 2023. № 1–2. С. 4–27.

Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1996. Т. VII. С. 288–645.

Татарников К.В. Предисловие // Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА. Межфондовый указатель: в 3 т. М., 2013. Т. 1. С. 3–25.

Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1896. Т. 17. 482 с.

References

Andreeva, N.S. (2023). Pribaltiyskie nemtsy v sostave Rossiyskoy imperii: klyuchevye momenty sotsial'noy i politicheskoy istorii (XVIII – nachalo XX vv.). [The Baltic Germans in the Russian Empire: Key Moments in Social and Political History (18th – Early 20th Centuries)]. In *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy*. No. 1 (32), pp. 6–42.

Bezotosnyy, V.M. (2018). *Rossiyskiy generalitet epokhi 1812 goda. Opyt izucheniya kolektivnoy biografii* [The Russian Generalitet in the Era of 1812. An Experience in Studying Collective Biography]. Moscow. 671 p.

Bovykin, D.Yu. (2006). Emigrantskiy korpus Konde na russkoy sluzhbe [The Emigrant Corps of Condé in Russian Service]. In *Rossiia i Frantsiya XVIII – XX veka*. No. 7, pp. 77–86.

Chubar'yan, A.O. (Ed.). (2014). *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskii slovar'* [Theory and Methodology of Historical Science. Terminological Dictionary]. Moscow. 576 p.

Dmitriev, A.V. (2018). *Russkaya regul'yarnaya armiya v Sibiri (1725–1796): osobennosti voennoy sluzhby na "vostochnoy okraine" Rossiyskoy imperii v XVIII stoletii* [The Russian Regular Army in Siberia (1725–1796): Features of Military Service on the "Eastern Periphery" of the Russian Empire in the 18th Century]. Moscow, St. Petersburg. 528 p.

Dmitriev, A.V. (2023) Kadrovyy sostav ofitser'skogo korpusa polevykh polkov Sibirskoy divizii v kontse XVIII v. [Personnel Composition of the Officer Corps of the Field Regiments of the Siberian Division in the Late 18th Century]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 1 (78), pp. 158–166.

Dmitriev, A.V. (2024). Garnizonnye polki Sibirskoy divizii na rubezhe XVIII–XIX v. [The Garrison Regiments of the Siberian Division at the Turn of the 18th and 19th Centuries]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 3 (84), pp. 171–179.

(1896). *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg. Vol. 17. 482 p.

Kamenetskiy, I.P. (2015). Generaly Skalony v Rossii (1735–1912) [The Skalon Generals in Russia (1735–1912)]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 4, pp. 41–45.

Kamenskiy, A.B. (2004). Elity Rossiyskoy imperii i mekhanizmy administrativnogo upravleniya [The Elites of the Russian Empire and the Mechanisms of Administrative Governance]. In *Rossiyskaya imperiya v sravnitel'noy perspektive*. Moscow, pp. 115–139.

Kappeler, A. (2000). *Rossiia – mnogonatsional'naya imperiya* [Russia – A Multinational Empire]. Moscow. 344 p.

Miller, A.I. (2006). *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism: An Essay on the Methodology of Historical Research]. Moscow. 248 p.

Puzanov, V.D. (2023). General G.E. Shtrandman – ostzeets na sluzhbe Rossiyskoy imperii [General G.E. Shtrandman – an Ostsee German in the Service of the Russian Empire]. In *Voprosy istorii*. No. 1–2, pp. 4–27.

(1996). *Slovar' russkikh generalov, uchastnikov boevykh deystviy protiv armii Napoleona Bonaparta v 1812–1815 gg.* [Dictionary of Russian Generals, Participants in the Combats Against the Army of Napoleon Bonaparte in 1812–1815]. In *Rossiyskiy arkhiv. Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.* Moscow. Vol. VII, pp. 288–645.

Tatarnikov, K.V. (2013). Predislovie [Preface]. In *Posluzhnye i smotrovyye spiski russkoy armii 1730–1796 gg. v sobranii RGVIA. Mezhfondovyy ukazatel'*. Moscow. Vol. 1, pp. 3–25.

Volkov, S.V. (2003). *Russkiy ofitser'skiy korpus* [The Russian Officer Corps]. Moscow. 414 p.

Volkov, S.V. (2021). *Elitnye i sotsial'nye gruppy i gosudarstvennaya sluzhba v Rossii* [Elite and Social Groups and State Service in Russia]. Moscow. 408 p.